

Короленко Владимир Галактионович

Государевы ямщики

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Галактионович К.**
Государевы ямщики / Короленко Владимир Галактионович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 66 с.

ISBN 978-5-519-90432-2

ISBN 978-5-519-90432-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

въ немъ форму знакомой „дружеской бумаги“, смыслъ и значеніе которой населеніе уже отгадало. Онъ сталъ что-то говорить ямщикамъ по-якутски, тѣ робко окружили насъ, топтались, молчали, поталкивали другъ друга, и, наконецъ, задніе объявили, что по этой „бумагѣ“ насъ везти не слѣдуетъ. Станочники, вѣроятно, ждали съ нашей стороны вспышки и обычныхъ проявленій авторитета, которыя доказали бы имъ если не наше право, то степень нашего значенія въ мірѣ повелѣвающихъ (грамотѣй на всякій случай помѣстился сзади всѣхъ). Но мы не имѣли къ этому ни охоты, ни способностей. Мы просто стояли только на своемъ. Тогда толпа стала смѣлѣе, голоса возвышались, начались шумные споры...

Положеніе становилось затруднительнымъ. Мы походили на пугниковъ, отчалившихъ съ ненадежнымъ парусомъ отъ одного берега и рисковавшихъ не пристать къ другому. Прогонны, особенно въ осеннее время, на три тысячи верстъ—требовали нѣсколько сотъ рублей. Такихъ денегъ у насъ не было. Если бы гдѣ-нибудь произошла окончательная остановка, у насъ не хватило бы и на обратный путь до Якутска. Годъ былъ голодный, хлѣба трудно было на пустынныхъ станкахъ достать и за деньги, и поэтому провизію мы тоже везли съ собою... Вообще, мы физически не могли уступить, если бы и хотѣли, и нашъ путь обратился въ настоящую каторгу: пріѣзжая къ вечеру на станцію, усталые и озябшіе, мы, вмѣсто отдыха, встрѣчали новыя сомнѣнія, возраженія, упреки и споры... Они продолжались обыкновенно и утромъ

слѣдующаго дня. Выѣзжали мы поздно, проѣзжали мало, и если была въ этомъ хорошая сторона, то развѣ та, что такимъ образомъ, мы имѣли случай ознакомиться съ своеобразнымъ бытомъ этихъ ленскихъ станочниковъ...

Ленскіе станки—это какъ бы сколокъ прошлыхъ вѣковъ, оставленный на далекой рѣкѣ въ нетронутомъ видѣ періодомъ російскихъ реформъ, какъ остается зимній ледъ въ глубокихъ ущельяхъ... Это бывшіе „государевы ямщики“, мужики, несущіе на жалованьи ямскую государеву службу. Государству необходимо поддерживать сношенія съ отдаленнымъ и мало населеннымъ краемъ. Изрѣдка проѣдетъ по рѣкѣ чиновникъ или полицейскій засѣдатель, въ недѣлю разъ проскачетъ почта, порой промчится эстафета или генераль-губернаторскій курьеръ пролетитъ, какъ сорвавшійся съ цѣпи, по старинному понукая ямщика полновѣсными ударами по шеѣ. И уже совсѣмъ рѣдко появится купецъ или иной партикулярный человекъ, слѣдующій по собственной надобности и, значить, платящій „прогоны“, въ общемъ составляющіе совершенно ничтожную цифру...

Да еще порой въ эту узкую ленскую щель съ юга, отъ Иркутска, пригоняютъ партію арестантовъ и пускаютъ ее дальше самостоятельно внизъ по рѣкѣ. Начальникъ партіи уѣзжаетъ впередъ, а команда съ арестантами растягивается на далекое разстояніе. Скрыться изъ этой щели некуда: направо и налево, за береговыми хребтами дикая таежная пустыня, населенная лишь бродячими тунгусами. Назадъ—уже пройденные станки, населе-

ніе которыхъ, разъ накормивши арестанта (своего рода натуральная повинность), въ другой разъ его не приметъ. И партія, растягиваясь иногда на недѣлю, спускается отъ станка къ станку, лѣтомъ въ лодкахъ, зимою на дровняхъ, мечтая о далекомъ якутскомъ острогѣ, какъ о землѣ обѣтованной. День за днемъ, на станки являются эти люди въ сѣрыхъ халатахъ, испуганные, подавленные суровымъ величіемъ этихъ камней и голодные. Ихъ съ проклятіями разводятъ по очереднымъ избамъ, и проклятіями же сопровождаютъ каждый кусокъ подаваемого дорогого хлѣба...

Наконецъ, порой поселенецъ напроказить на пріискахъ,—тогда его снабжаютъ „листомъ“, и ямщики везутъ его до мѣста приписки... А весной онъ опять спускается въ лодкѣ, чтобы черезъ нѣкоторое время опять катить на обывательскихъ обратно...

Въ совокупности всего этого—смыслъ существованія ленскихъ ямщиковъ. Когда-то, давно, порѣжъ проѣхали землемѣры и чиновники, высматривая изъ лодки „мѣста, годныя для поселенія“, по глазомѣру опредѣляя разстоянія. Потомъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи и Сибіри пригнали мужиковъ и поселили на голыхъ камняхъ. Мужики, по большей части завербованные волшебными сказками о „золотыхъ горахъ“,—плакали и били кайлами углубленія порой въ сплошномъ камнѣ. Въ ямы вставляли столбы, на столбы клали вѣнцы и строили избы и юрты... И съ тѣхъ поръ они живутъ здѣсь столѣтія,—мужики, несущіе на жалованіи государственную службу. Съ этихъ поръ

старинныя „ямы“ всюду давно исчезли, исчезло крѣпостное право во всѣхъ видахъ. Осталось оно только на Ленѣ...

Выборъ мѣста для станковъ, повидимому, изъ „государственныхъ видовъ“, останавливался преимущественно на мѣстахъ, совершенно неудобныхъ для земледѣлія. Станочники не надѣлены землей, и все ихъ существованіе зависитъ отъ почтовой гоньбы...

Каждые три или четыре года исправники, ихъ помощники или засѣдатели проѣзжаютъ по станкамъ и заключаютъ съ ямщиками контракты „по добровольному соглашенію“. Для станочниковъ это добровольное соглашеніе опредѣляется тѣмъ, что безъ „жалованія“ они перемрутъ голодною смертію... Цѣлыми станками, поголовно, они будутъ умирать среди этихъ равнодушныхъ камней, и никому до этого не будетъ дѣла... За то, если бы они дѣйствительно отказались, почтовая служба станетъ, и необходимое „воздѣйствіе центра на окраину“ прекратится. Въ ямщики нуженъ мужикъ и только мужикъ. Варнака-поселенца, съ которымъ пришлось бы пробираться самъ другъ этими дикими камнями и ущельями, боится начальство. Якуты и инородцы, въ свою очередь, боятся начальства, и было много случаевъ, когда, при первомъ же окрикѣ или ударѣ грознаго фельдъ-егеря—ямщики-инородцы бросали лошадей и разбѣгались... Въ виду этого, признано, что для правильной гоньбы идетъ только правильный, настоящій русскій мужикъ, искушенный въ долготерпѣніи и понимающій начальственное обращеніе...

На этой почвѣ возникаютъ отношенія въ выс-

шей степени запутанныя, своеобразныя, а пожалуй, и безобразныя. Чиновникъ, отправляющійся по станкамъ для заключенія новыхъ контрактовъ, прежде всего долженъ обезпечить гоньбу, а затѣмъ сдѣлать это какъ можно дешевле, такъ какъ этимъ онъ можетъ отличиться и получить награду. Поэтому въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по близости есть пашни и покосы, которые станочники снимаютъ у якутовъ или бурятъ, населеніе держится крѣпко, и цѣны за пару доходятъ иной разъ до 1,000 и болѣе рублей. Одна изъ такихъ счастливыхъ волостей носить даже названіе „дворянской“. Здѣсь мужчины ходятъ въ пріисковыхъ расшитыхъ кафтаныхъ, собольихъ шапкахъ, и молодые ямщики курятъ привозные папиросы „Лафермъ“ съ золотыми орлами на мундштукахъ. Однажды при мнѣ такой ямщикъ, которому проѣзжій обѣщалъ на чай, если онъ подастъ лошадей скорѣе,—посмотрѣлъ на него равнодушнымъ взглядомъ и отвѣтилъ:

— Я тебѣ, господинъ, самъ, пожалуй, дамъ на чай,—только не ѣзди!

И это понятно, потому что рѣдкіе прогоны, разверстываемые по душамъ,—ничтожны сравнительно съ „жалованьемъ“ этихъ счастливицевъ.

За то въ другихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ ни пашенъ, ни покосовъ, ни стороннихъ заработковъ,—цѣна сбивалась до 300 и даже до 260 рублей, особенно въ трудные годы дороговизны хлѣба и сѣна... Населеніе такихъ обездоленныхъ станковъ—послѣдственно угнетенное, необыкновенно печальное и явно вырождающееся. Уйти имъ цѣлымъ обществомъ въ переселеніе—нельзя! Это будетъ

уже „бунтъ“, и начальство приметъ „строгія мѣры“. Отдѣльныхъ же членовъ своихъ не пуститъ само общество: остающіеся не желаютъ принять отъ уходящаго часть тяжкаго бремени этой ужасной жизни...

Такъ и тянется, забытая исторіей, жизнь своеобразныхъ ямщицкихъ общинъ. На каждомъ станкѣ должно быть столько-то паръ лошадей, по столько-то за пару. Населеніе раздѣляетъ „по душамъ“ и почтовую повинность и плату. „Душа“ ямщика это такая-то доля лошади... Въ станкахъ съ меньшимъ населеніемъ эта доля будетъ больше и на домохозяина придется $1\frac{1}{2}$ лошади и даже цѣлям... Гдѣ населеніе болѣе многочисленно, — душа соотвѣтствуетъ четверти, осьмой и т. д. части лошади... Разверстка этихъ лошадиныхъ „душъ“, съ лежащими на нихъ повинностями и „жалованіемъ“ чрезвычайно своеобразна и заслуживала бы вниманія изслѣдователя... Если лошадь пала, — на ямщика навалитъ ея работу: онъ будетъ грести лѣтомъ, или таскать лодки лямкой... Если работникъ захворалъ или умеръ, — семья тоже вымираетъ медленной смертью, на которую полуголодные сосѣди глядятъ съ испуганнымъ состраданіемъ, а камни и лѣса — съ величавымъ стихійнымъ равнодушіемъ...

Въ общемъ — большинство этихъ забытыхъ жизнью „государевыхъ ямщиковъ“ производятъ впечатлѣніе медленнаго вымиранія. Они болѣзненны, блѣдны, печальны и хмуры, какъ эти берега. Свою родную рѣку они зовутъ „проклятою“ или „гибелою щелью“ и увѣряютъ съ полнымъ убѣж-

деніемъ, будто „начальники“ (устанавливающіе „добровольное соглашеніе“) не вѣрятъ въ Бога, отчего земля ни одного изъ нихъ послѣ смерти не принимаетъ въ свои нѣдра... „Что губернаторы, что исправники, что засѣдатели,—все одно... Положатъ его въ дѣмовину, онъ такъ скрозь землю и поидеть, и поидеть... въ самые, видно, тартарары“...

И съ этими-то несчастными людьми мы, хитростью нашего лукаваго врага, были поставлены въ положеніе взаимной борьбы... И теперь еще я не могу вспомнить безъ нѣкотораго сердечнаго замиранія о тоскѣ этого долгаго пути и этихъ безконечныхъ споровъ съ людьми, порой такъ глубоко-несчастливыми и имѣвшими полное основаніе подозрѣвать съ нашей стороны посягательство на ихъ даровой трудъ... Да, это была настоящая пытка...

II.

М и к е ш а.

На одной изъ станцій произошла серьезная остановка. Ямщики уперлись и, не вида съ нашей стороны рѣшительныхъ дѣйствій, продержали насъ цѣлыя сутки. Къ счастью, раннимъ утромъ я услышалъ колокольцы; кто-то проѣзжалъ на почтовыхъ въ Якутскъ. Пока перепрягали лошадей, я вынулъ свою дорожную чернильницу и бумагу и при свѣтѣ камелька сталъ писать письмо въ городъ, изображая наше положеніе. Это таинственное въ глазахъ станочниковъ и совершенно необычное дѣйствіе произвело сильное впечатлѣніе. Ямщики входили, смотрѣли на меня съ глубочайшимъ вниманіемъ, уходили опять, и, наконецъ, когда письмо было готово и я собрался его заклеивать, — вошелъ видимо встревоженный староста, поклонился мнѣ и сказалъ:

— Зачѣмъ писать? Не надо, пожалуйста... Повеземъ... Брось бумагу...

И, дѣйствительно, около полудня намъ подали трехъ верховыхъ лошадей. На четвертой впереди

ѣхалъ хозяйнѣ-ямщикъ и еще сзади—въ припрыжку бѣжалъ пѣшій, молодой паренѣ лѣтъ 23-хъ, придерживаясь по временамъ за мое стремя. Дорога на этотъ разъ отошла отъ берега и пролегла тайгой, уже пожелтѣвшей, но еще не совсѣмъ потерявшей листву... Порой изъ-за верхушекъ деревьевъ мелькали вдали береговья горы и ущелья, освѣщенные косыми лучами осенняго солнца. Лошади бѣжали бойко и, когда я нарочно сдерживалъ свою, чтобы не затруднять бѣгущаго,—хозяйнѣ-ямщикъ оборачивался и покрикивалъ:

— Не отставай! Не отставай!

А пѣшій глубоко вдыхалъ воздухъ и прибавлялъ шагъ.—„Ничего, ничего! Ударь“!..—говорилъ онъ и, все такъ же держась за стремя, продолжалъ бѣжать рядомъ...

Это было странное существо съ очень смуглымъ лицомъ и глубокими вдумчивыми глазами. Пока я писалъ свое письмо, онъ, войдя въ избу, стоялъ рядомъ, не отрывая глазъ отъ клочка бумаги, по которой бѣгло мое перо, выводя непонятные для него знаки. Когда этотъ процессъ вызвалъ на станкѣ суматоху, и ямщики стали входить и выходить изъ избы, съ явными признаками беспокойства,—онъ также внимательно слѣдилъ за ними, переводя взглядъ съ бумаги на лица своихъ земляковъ и обратно, какъ бы изучая таинственную связь, установившуюся между этимъ листкомъ и ихъ настроеніемъ. По временамъ на лицѣ его мелькало что-то похожее на злорадную улыбку. Когда же, наконецъ, станокъ уступилъ,—онъ крикнулъ и вздохнулъ такъ сильно, какъ

будто это онъ самъ только что „свалилъ“ съ себя тяжелую работу. Въ его глазахъ виднѣлось выраженіе восхищенія, почти восторга, какъ будто онъ присутствовалъ при волшебномъ опытѣ, продѣланномъ съ замѣчательной чистотой, и результаты котораго онъ отчасти предвидѣлъ или угадывалъ. Когда, въ послѣдствіи, ямщики подняли обычные споры изъ-за очереди и разверстки,—онъ слушалъ этотъ галдежъ равнодушно и отчасти насмѣшливо.

При этомъ какъ-то неожиданно вышло, что разверстка запуталась. Общество находило, что везти насъ было выгоднѣе обычныхъ очередей!. Мы не пользовались продовольствіемъ очередного станочника и, сколько могли, платили на чай везшимъ насъ ямщикамъ. Такимъ образомъ, „равненіе“ нарушалось, очередь становилась слишкомъ легкой, и другимъ казалось обидно. Очередной ямщикъ горячился и спорилъ, находя, что это уже его „фартъ“, но кто-то вдругъ предложилъ исходъ:

— Прибавить ему Микешу,—сказалъ онъ.

— И вѣрно,—согласились остальные.

— Куда мнѣ его?—протестовалъ хозяинъ.

— Ничего,—побѣжить пѣшимъ. Назадъ однако, съ четверкой трудно тебѣ... Помогетъ будто.

— И вѣрно. А ты, значить, ему зачетъ... Оно и выйдетъ въ ровень...

— Много...

Чего много?.. Надо тоже и ему какъ ни-набудь... хоша бы и Микешѣ.

Микеша слушалъ эти разговоры съ такимъ равнодушіемъ, какъ будто рѣчь шла совсѣмъ не о немъ. Изъ разговоровъ я понялъ, что его счи-